

В. И. Жуков

Научная парадигма исследования сущности и социально-экономических противоречий государственной собственности

Жуков Василий Иванович, член-корреспондент РАН, профессор, ректор-основатель Российского государственного социального университета, заслуженный деятель науки РФ.

Сфера научно-исследовательских интересов – социология, социальная история, теория и организация политической деятельности, экономика.

Автор свыше 250 научных работ и многочисленных публицистических статей.

Основатель научной школы в области социального образования и социологии социальной сферы.

Концептуальная слабость и низкая социально-экономическая эффективность проводимых в нашей стране либеральных преобразований привели к тому, что она оказалась застигнутой «врасплох» относительно факторов угроз и вызовов наступившего третьего тысячелетия. Этот вывод подтверждается, во-первых, тем, что набирающая «обороты» глобализация по-прежнему удерживает нас на «догонных курсах», оставляя России мало шансов в сжатые сроки выйти на уровень, достойный ее реального созидательного потенциала. Во-вторых, общемировые процессы информатизации экономики пока еще слабо касается отечественного хозяйства, что «консервирует» индустриальные технологии и не стимулирует развитие его постиндустриального, наукоемкого сектора. Это обстоятельство все более способ-

ствует закреплению за Россией «статуса второстепенной» страны, с чем едва ли мы можем согласиться. В-третьих, бурный рост интеллектуального капитала в странах с развитыми традициями конкурентно-рыночного хозяйства обеспечивает на деле переход к «ноосферным» технологиям социально-экономического развития, основанным на использовании воспроизводимых ресурсов, выступающих, прежде всего, в форме интеллектуальных продуктов. В контексте сказанного, увеличение объемов добычи и распродажи природных ресурсов позиционирует Россию как страну, сознательно отделяющую себя от передовых технологий двадцать первого века.

Отмеченные экзогенные и весьма неблагоприятные для российского общества обстоятельства «качественно» дополняются эндогенными последствиями либерального курса проводимых в стране «реформ». Интегральными показателями-последствиями социально-экономических преобразований с самого начала «перестройки» и по сегодняшний день являются ускоренное сокращение численности населения страны, растущая социальная дифференциация при сопутствующем ей обострении социальных противоречий, деградация человеческого капитала и утрата стратегических стимулов к творчеству и труду. Названные и многие другие последствия, а также комплементарные (дополняющие) по отношению к ним факторы и обстоятельства ввергают российское общество в состояние общенационального пессимизма, который принял системный характер, и, не преодолев который невозможно всерьез рассчитывать на какие-либо «прорывы» в социально-экономическом развитии.

Основной причиной столь тяжелых последствий для российского общества и его экономики является, как показала практика, массивный и «упрямо-наступательный» институциональный «заокеанский» импорт без должного учета «российского грунта» и специфики функционирования национального институционального сектора экономики. В результате «импортированные» из-за рубежа институты вступили в жесткое и бескомпромиссное противоречие с «отечественными» неформальными нормами, что и привело к глубокому и расширенно воспроизводящемуся институциональному кризису.

Конкретными формами проявления данного кризиса являются: а) слабость государства и его неспособность создавать действительно инновационные, социально ориентированные официальные правовые нормы (законы), а также обеспечивать их «внедрение» в систему социально-экономических трансакций; б) формирование и развитие административного и институционального «рынка» – источников «теневой» экономики и персонифицированных (кланово-корпоративных) обменов; в) замена творчески-трудового способа присвоения благ – рентоориентированным присвоением и в целом разветвленной системой политического поиска ренты, прежде всего, отечественной бюрократией и технократией. В связи с этим, заслугой современной экономической и, прежде всего, институциональной теории является постановка вопроса не столько о несовершенстве конкурентного рынка, сколько о «провалах» самого государства. При этом практика доказала, что «деятельность государства, направленная на исправление провалов рынка, сама оказывается далекой от совершенства. К фиаско рынка добавляется фиаско правительства. Поэтому необходимо строго следить за последствиями его деятельности и корректировать ее в зависимости от социально-экономической и политической конъюнктуры».¹

«Заокеанские» волны либерализма последовательно устранили из экономики «государство для общества», формируя тем самым условия для развития «государства для себя». Превратившись в «неуловимую» кантовскую «вещь в себе» и «вещь для себя», современное российское государство демонстрирует всей экономической цивилизации небывалый ранее высокий уровень корпоратизации ведомственно-бюрократических интересов, которые не просто не корреспондируются с интересами общества, но и явно противоречат им. По сути, на сегодняшний день завершённые формы имеет частная собственность чиновничье-бюрократического аппарата на властные полномочия, и теперь следует четко констатировать, что власть – это ценность, являющаяся объектом конкурентного доступа, а потому и объектом собственности.

Социально-экономические результаты проводимых в нашей стране либеральных реформ убедительно свидетельствуют о том, что пока так и не удалось сформировать высокоэффективного собственника ни на общественном, ни на микроэкономическом уровне. Сказанное означает, что требуются дополнительные исследования в сфере движения собственности. При этом «неоклассическая теория не отрицает значение собственности, обращается к проблемам, связанным с ней в разных ситуациях, но специального методологического и теоретического внимания ей не уделяет. Неинституциональная теория специально исследует собственность под углом зрения оборота расщепленных прав собственности и формирования из них эффективных комбинаций. Но государственная собственность не стала предметом специального внимания в рамках данного направления».²

Сегодня государственная власть – это фактически (но не по праву, не конституционно) объект собственности отечественной бюрократии, а собственник, как известно, использует объекты собственности, прежде всего, в своих интересах. Производя систему официальных норм и правил, бюрократический аппарат защищает «свою» собственность и стремится ее высокоэффективно реализовать. В процессе этой реализации чиновничий аппарат «вынужден» блокировать развитие общей системы собственности, не связанной с собственностью бюрократии. Таким образом, «ядром» современной системы собственности в переходной российской экономике является собственность бюрократии на государственную власть, и именно бюрократия является самым «высокоэффективным собственником» в современном отечественном хозяйстве.

Отсюда вырисовываются императивы социально-экономических преобразований в современной России, связанные с необходимостью ограничения власти бюрократии и обеспечением социально ориентированного развития системы государственной собственности. При этом усиление правовых, или созидательных основ функционирования социального государства найдет свое закономерное проявление в государственном институциональном предпринимательстве, прежде всего, в сфере формирования и развития негосударственных форм и видов собственности. А развитие правовых (справедливых, честных) основ функционирования цивилитарной, или гражданской собственности, представляющей собой единство личной, частной и общей формы собственности, обеспечит направленность энергии интеллектуального капитала нации на решение созидательных социально-экономических задач.

Итогом явится ускоренное развитие и реализация созидательного потенциала человека как личности и человека как члена общества, заинтересованного в разумном и целесообразном использовании объектов своей и защищенной государством собственности. Ведь действительно «... разумность собственности заключается не в удовлетворении потребностей, а в том, что снимается голая субъективность личности. Лишь в собственности лицо выступает как разум».³ Только в обществе, состоящем из индивидов-собственников, имеющих возможность и способных созидательно распорядиться объектами своей собственности, утверждается разумное начало в деятельности каждого человека, а формой «снятия голой субъективности личности» является оптимизация личных и общественных интересов; общенациональный пессимизм закономерно сменяется общенациональным оптимизмом.

Таким образом, основным социально-экономическим уроком проводимых в нашей стране «реформ» является то, что в результате игнорирования требований внутренней логики развития институциональ-

ного сектора национального хозяйства, воспроизводство экономических благ стало осуществляться в рамках импортированных и часто неправовых институтов, регулирующих систему хозяйственных трансакций отнюдь не в пользу российских национальных интересов, не в пользу, одновременно, интересов россиянина как личности и как члена общества. «Тонким срезом» данного урока является то, что до сих пор в отечественном хозяйстве не сформирован высокоэффективный собственник, функционирующий вне сферы господства техно- и бюрократической власти.

Другими словами, созданная за период либеральных «реформ» и расширенно воспроизводимая система институтов не обеспечила концентрацию, оптимизацию и созидательную направленность творческой трудовой энергии личности и общества на решение задач нового качества экономического роста. Потенциал творческих сил и трудовых способностей, сконцентрированный в трудовом и интеллектуальном капитале личности и общества в целом, оказался не реализованным в созидательном «ключе», зачастую находя вынужденный «выход» в «теневых» и «серых» формах производительного экономического бытия.

Отсюда «категорическим императивом» современного периода социально-экономического развития России является, во-первых, преодоление институционального кризиса, что позволит создать свой, российский, а не импортированный институциональный сектор экономики. В рамках этого сектора, во-вторых, следует осуществить государственное институциональное предпринимательство по созданию институтов, регулирующих и координирующих отношения в сфере присвоения личных, частных и общественных благ. Интегрально это означает создание общественных форм (осуществление институционализации) присвоения благ, то есть легитимизация конкретных форм и видов собственности. При этом следует руководствоваться не умозрительными схемами ускоренной и массовой приватизации, изначально носившей откровенно неправовой, хотя юридически вполне «законный» характер, а требованиями объективного экономического закона формирования собственности, в соответствии с которым «материей» конкретных форм собственности является определенный «способ работы над продуктом», обусловленный характеристиками самого этого продукта.

По справедливому суждению исследователей, «современное общество может идти по пути развития лишь посредством перехода к модели экономики развития, или модели социэкономике. ...Социэкономика – это нормативная модель новой экономики, создание которой обусловлено императивами и вызовами будущего, в основу которой положена идея взаимозависимого, взаимосвязанного и взаимообусловленного развития для человека и посредством человека. ...Социэкономика – это модель экономики, главной целью которой является постоянное повышение благосостояния и развитие общества и человека, являющегося основным субъектом процесса развития и присвоения его результатов, достигаемых на основе сотрудничества всех людей в процессе создания и распределения экономических и социальных благ». ⁴ Социэкономика, добавим, – это экономика равенства форм и видов собственности, а также справедливых и эквивалентных обменов объектами, правами и правомочиями собственности.

Как показала отечественная практика, именно институциональные импортные «завалы», а также фрагментарный характер отечественного производства инновационных институтов, в основе которого не только чей-то «злой умысел», но и явное незнание актуальности и логики институциональных преобразований, закономерно привели к «разрыхлению» системы собственности и, в лучшем случае, к «анклавному» формированию отнюдь не высокоэффективных (в социально-экономическом смысле) собственников, функционирующих скорее вопреки, а не благодаря существующим официальным институтам в форме законов и других юридических актов.

Что же нужно делать в сложившейся ситуации? Существует ли вообще выход из отечественного институционального кризиса, сохранности которого способствует современная российская государственная бюрократия, для которой уже давно «чем хуже, тем лучше», поскольку ухудшение социально-экономической ситуации является для бюрократии объективной «основой» формирования «резервных фондов», расширения государственного бюджета, создания новых (бюро) для новых «социальных программ» и т.д. Можно обоснованно утверждать, что в современном российском обществе и его экономике есть выход из институционального и, следовательно, из социально-экономического кризиса, но для этого, по крайней мере, необходимо следующее.

Во-первых, жизненно важно понять, что в двадцать первом веке, как никогда раньше, трансформационный сектор экономики, где производятся материально-вещественные товары и услуги, все более зависит от институционального, или транзакционного сектора экономики, где производятся «правила экономической игры», в соответствии с которыми и осуществляются все виды хозяйственных взаимодействий собственников факторов производства, производителей и потребителей, продавцов и покупателей. Ядром этих правил являются официальные нормы-институты государства (законы, постановления и т.д.) и неформальные ограничения-институты общества (традиции, обычаи, нравы и т.д.), регулирующие и координирующие всю систему социально-экономических взаимодействий, или трансакций.

Но главное заключается в том, что названные институты, прежде всего формальные, являются общественными благами, которые, как и любое другое благо, нужно произвести. А поскольку институты, или «пра-

вила игры», - это активы – «невидимки», невещественные, но чрезвычайно важные ценности общества (нам ли не знать о негативных социально-экономических последствиях, вызванных действием официально принятых, но неправовых, то есть несправедливых законов), то производство и воспроизводство правовых, действительно прогрессивных и справедливых институтов постоянно требует высочайшего напряжения интеллектуального капитала человека как личности и человека как члена общества одновременно.

Для этого нужны специальные знания и навыки, связанные с теорией и практикой институционально-предпринимательства, под которым понимается сознательная, целенаправленная деятельность государства и других экономических агентов по производству инновационных, созидательных, правовых (следовательно, социально ориентированных) институтов, регулирующих и координирующих всю систему хозяйственных трансакций. Следовательно, институциональное предпринимательство выступает как бы интеллектуальным «срезом» предпринимательства как такового. Институциональное предпринимательство может рассматриваться как функция интеллектуального капитала личности и общества, как специфическая форма доходности данного капитала.

Для решения данной задачи необходима определенная «критическая масса» специальных знаний об особенностях и онтологии формирования и развития институционального сектора национального хозяйства. С этой целью в ведущих вузах России уже созданы и действуют соответствующие кафедры и лаборатории, научно-исследовательские группы и программы.⁵ С учетом специфики Российского государственного социального университета, а также используя благоприятные условия его бурного развития и успешного позиционирования на рынке образовательных услуг, было бы целесообразно создать кафедру институциональной экономики и институционального предпринимательства. Время настоятельно требует углубленной интеллектуализации экономической деятельности, базисным «пространством», для которой выступает сфера институционального производства. Очевидно, что нужно не догонять ведущие вузы страны в данном секторе образовательных услуг, а поработать на опережение, сделав упор на проблемы институционального предпринимательства в сфере производства инновационных институтов социальной и социально-экономической действительности.

Во-вторых, одновременно с введением «института» институционального предпринимательства и подготовкой институциональных предпринимателей требуется уточнение и конкретизация роли и значения системы собственности для мультипликации темпов нового, именно «ноосферного» качества экономического роста с ярко выраженной его социальной направленностью. Гегелевское «воплощение разума личности в собственности» понимается таким образом, что только реальный, а не номинальный собственник может, способен и истинно заинтересован в созидательном использовании объектов своей собственности и, прежде всего, своего интеллектуального и в целом человеческого капитала.

Проблемой и уроком российской экономической теории и хозяйственной практики является то, что в официальном институциональном производстве наступило «успокоение» в результате создания номинальных собственников, то есть собственников «де-юре», а не собственников «де-факто», которые возникли либо в «тени», либо легально, под прикрытием государственной бюрократии, получающей соответствующую бюрократическую ренту. Но задача состоит не в том, чтобы «соединить» непременно в одном лице номинального и реального собственника (как показывает практика, такое соединение далеко не всегда возможно и целесообразно в условиях диверсификации использования факторов производства и т.д.), а в том, чтобы при соединении в одном субъекте номинального (юридического) и фактического (экономического) собственника, либо при их раздельном функционировании обеспечивался правовой характер движения и развития системы собственности в целом и каждой ее формы в отдельности.

Для решения, прежде всего, этой задачи и предназначается институциональное предпринимательство, призванное, с одной стороны, «разместить» институциональное производство в сфере отношений присвоения на «грунте» российских неформальных институтов и существующих традиций создания формальных норм и правил. С другой стороны, необходимо осуществить диалектическое «снятие» ценного мирового опыта институционального производства и «трансплантировать» созидательные импортированные институты в общую институциональную систему отечественного хозяйства и, прежде всего, в систему собственности. Правовые институты, регулирующие отношения в сфере присвоения личных, частных и общественных благ, являются глубинным социально-экономическим базисом не только формирования высокоэффективного собственника, но и создания прогрессивной социальной структуры гражданского общества, ядром которого выступает средний класс, объективно превращающийся в класс «средних» собственников.

В-третьих, как требует институциональная экономическая теория и современная практика функционирования системы собственности, институциональное предпринимательство в сфере создания инновационных институтов присвоения и собственности должно носить, воспроизводственный характер. Речь идет о том, что социально ориентированная система собственности и высокоэффективный собственник должны формироваться и функционировать в «контексте» и в корреспондировании с реальными процессами индивидуального и общественного воспроизводства. Отсюда и проистекает требование воспроизводственного подхода к созданию институтов координации отношений в сфере присвоения и обеспече-

ния последующей принадлежности определенным субъектам деятельности соответствующих благ. Каков же научно-практический смысл требования воспроизводственного подхода к институциональному предпринимательству в сфере создания инновационных и «созидательно-доходных» институтов в сфере движения собственности?

Первое – это научно обоснованное, то есть в соответствии с законом формирования собственности, конституирование личной, частной и общественной форм собственности и их различных модификаций. Очевидно, что в рамках общественного конституционного договора требуется четко указать на реальность и функциональность этих ключевых форм собственности любой цивилизованной современной экономики. Взаимосвязанное единство этих форм собственности, то есть собственности одновременно личности как индивида, личности как члена корпорации и личности как члена общества объективно формирует гражданскую, или цивилитарную собственность современного демократического общества.

В теоретико-методологическом плане важно отметить одно важнейшее обстоятельство: не существует прямой зависимости собственности на конечный продукт от собственности на средства производства. Догматическое утверждение о том, что собственность на средства производства «лежит в основе» собственности и на создаваемый с их помощью продукт, по-прежнему служит «недобрую службу» экономической теории и практике. При социализме, или бюрократическом социализме доказывалось положение о том, что общественная собственность на средства производства определяет соответствующий способ хозяйствования и собственность на его результаты. В условиях мифологизации «созидательных» сил механизма конкурентного рынка, по аналогии, но не по здравому смыслу, констатируется, что частная собственность на средства производства безальтернативно определяет и частную собственность на создаваемый с их участием продукт.

Представляется, что столь поверхностные выводы и умозаключения не могут быть положены в основу исследования глубинных тенденций формирования и развития системы современной собственности в целом и государственной собственности в частности. В действительности, марксистский закон формирования собственности, уже давно ясно и популярно объясняющий внутреннюю логику становления конкретных форм собственности, гласит: формы собственности на определенные блага, включая и факторы производства, определяются способами их присвоения, либо способом хозяйствования, в рамках которого осуществляется данное присвоение. По справедливому замечанию ученых, здесь заключены истоки понимания объективной необходимости «... выявления и обоснования отнюдь не правовой, а многоуровневой и воспроизводственной трактовки собственности и присвоения. Только в этом случае становится понятной связь собственности на факторы производства с собственностью на произведенные блага. В частности, государство как полный собственник и обладатель практически неограниченной экономической властью может осуществить присвоение продукта, созданного, например, в частном секторе хозяйства в объеме, делающем невыносимым для собственника факторов производства даже простое воспроизводство. ... Сложный состав системы экономических отношений собственности на производственные ресурсы вызывает к жизни еще более сложную систему прав собственности, поскольку закон связи способов присвоения благ (способов хозяйствования) и форм собственности на них плохо познан людьми, устанавливающими хозяйственные права».⁶

В современных официальных юридических нормах закреплены «частная, государственная, муниципальная и иные» формы собственности. При этом остается не понятным, почему именно частная собственность отмечена «в первых рядах» и каков «статус» государственной собственности, если само государство, как известно, является специфическим институциональным устройством и одновременно «продуктом» общества, или общественного выбора в ходе обменных трансакций на политическом рынке? Ведь действительно вряд ли можно согласиться с положением о том, что «государственная форма собственности как экономическое отношение, наряду с акционерной формой, представляет собой разновидность общественной собственности».

Можно догадаться, что приоритет частной формы собственности в юридических документах новейшей политико-экономической истории обусловлен идеологическими детерминантами, а не реалиями социально-экономического бытия. Отсутствие научной обоснованности и методологической корректности при выявлении и юридическом «закреплении» форм собственности стало официальной основой для неправовых форм и способов присвоения в масштабе всей национальной экономики. Иррационализм этих неправовых форм и способов присвоения заключается в том, что они осуществляются, строго говоря, по закону. При этом неправовой, а потому и антисоциальный характер действующего законодательства в сфере собственности до сих пор не является объектом должной критики.

Второе – это научно обоснованная спецификация юридического права собственности в рамках личной, частной и общественной ее форм. Как известно, спецификация юридического права конкретной формы собственности означает формирование различных юридических «правомочий» собственности, среди которых традиционно выделяются владение, пользование, распоряжение. Существенным недостатком российских либеральных «реформ» системы собственности явилось, по сути, игнорирование тре-

бований данной спецификации, проистекающих от специфики самих благ. Ведь известно, что чем сложнее благо (частное благо «сложнее» личного, а общественное благо «сложнее» частного и т.д.), тем многообразнее «наборы» его полезных свойств и тем, следовательно, выше уровень требований к спецификации юридического права собственности, предназначенной для наиболее эффективного использования конкретными хозяйственными агентами именно тех свойств блага, в которых эти агенты видят для себя наибольшую ценность и могут обеспечить наивысшую результативность использования этих свойств.

Применительно к отечественной экономике, отсутствие должной спецификации юридического права общественной собственности до сих пор за пределами ясного и четкого понимания оставляет то обстоятельство, что государственная собственность есть не более чем государственное владение, пользование и распоряжение объектами общественной собственности, где субъектом собственности является не государство, само являющееся «продуктом» общественного «производства» в форме конституционного договора, а гражданское общество. Отсутствие ясности в этом, по сути, ключевом вопросе закономерно порождает иррациональную логику развития всей системы собственности: государство, в лице бюрократии, узурпировав «право» собственности на общественные ценности и считая, что не общество, а именно оно, государство является субъектом собственности общественных благ, начинает специфицировать не свое право собственности, но по своему, «бюрократическому» усмотрению.

В частности, бюрократия и поддерживающая ее олигархическая технократия могут наделять полномочиями владения и пользования объектами общественной собственности отнюдь не тех, кто на деле способен обеспечивать их высокую социально-экономическую эффективность. Более того, бюрократия чаще всего вообще не утруждает себя поиском адекватных специфицирующих правомочий собственности, действуя в худших традициях «континентальной правовой традиции» и наделяя порой не способных к созиданию хозяйственных агентов полным юридическим правом собственности. Так происходило и по-прежнему происходит относительно приватизации государственной (в смысле общественной) собственности, таким же образом осуществляется «легитимизация» неправовых частных форм и способов присвоения природной ренты, которая по праву принадлежит обществу, или каждому гражданину как члену общества, таким же образом распродается в частную собственность земля, хотя, как показывает опыт многих стран, здесь вполне хватило бы владельческих и пользовательских отношений и соответствующих правомочий.

Третье – это создание инновационных институтов, обеспечивающих свободный и эквивалентный, то есть справедливый обмен юридическими правами и правомочиями собственности. Чрезвычайно важно глубоко понять, что в системе обменных трансакций всех форм и видов происходит купля-продажа, прежде всего контрактных прав, правомочий той или иной формы собственности, хотя внешне все выглядит так, будто бы обмениваются блага либо деньги на блага. Как доказала мировая и убедительно показывает хозяйственная отечественная практика, без обеспечения формального равенства обменных трансакций невозможно расширенно воспроизводить механизмы заинтересованности всех собственников в созидательном творчестве и труду и в развивающей обмене-общении друг с другом.

На практике это должно проявляться, прежде всего, в том, чтобы собственники человеческого капитала претендовали и реально получали адекватный затратам данного капитала доход. Заработная плата – это доход собственника человеческого капитала, и если этот доход (с учетом справедливых отчислений на нужды человека как члена общества) ниже определенного оптимума, обеспечивающего расширенное воспроизводство личности и домохозяйства, то высокоэффективного собственника человеческого капитала не возникает. Институты, официально принимаемые и «внедряемые» в систему обменов государством, призваны, таким образом, обеспечивать такой обмен, где демонстрируется равная «переговорная сила» всех собственников, независимо от социального статуса собственника, объема находящихся в его распоряжении благ и т.д.

Кроме того, государство призвано институционализировать саму возможность созидательного применения собственниками своих объектов собственности. Так, например, явно антиобщественный и антисоциальный характер носит «институциональная бездеятельность» современного российского государства в сфере соответствующего использования интеллектуального капитала наукоемких и «ноосферных» отраслей производства. Оставляет желать лучшего, мягко говоря, институционализация использования интеллектуального капитала личности и общества в сфере образовательных услуг, информатизации хозяйственной деятельности. Нельзя также признать правовым отсутствие «вертикальной справедливости» при сегодняшнем налогообложении, когда олигархически-технократические структуры уплачивают в бюджет такой же пропорциональный налог, как и обычное домохозяйство. Все это порождает и воспроизводит недоверие собственников к власти и неверие в ее способность обеспечить действительно правовой характер обменов, без чего невозможно формирование высокоэффективного собственника и созидательное развитие системы собственности в целом.

Четвертое – это высокоэффективная защита прав собственности, отдельных их правомочий, непосредственно рыночных трансакций (то есть всей контрактной парадигмы обменов), а также последующей принадлежности конкретным субъектам полученных в результате обменов благ. Ни о каком высокоэффективном

собственнике не может идти речь, если в государстве будут периодически воспроизводиться «эффекты продразверстки». Другими словами, мало декларировать свободу обменов и многообразие форм собственности; нужно еще институционально обеспечить доведение конечного продукта до реального его создателя-собственника. В свете сказанного, едва ли следует абсолютизировать собственность на средства производства, как это традиционно делается отечественной политической экономией. Собственнику любого фактора производства важнее точно и ясно знать, на какую долю конечного продукта, предназначенного для удовлетворения системы его человеческих потребностей, он реально может претендовать.

Понятно, что в контексте сказанного речь не идет о собственниках, чьи капиталы имеют откровенно неправовое, хотя и юридически часто вполне «обоснованное» происхождение. Здесь требуется серьезная общественно-правовая экспертиза генезиса и особенностей современного бытия многих хозяйственных структур. Задача заключается не в реализации утилитарных планов «реприватизации» или «денационализации», а в обеспечении правового характера воспроизводства общественных благ, по природе своей принадлежащих обществу, а не только отдельным его представителям. Важно понять, что формирующееся в России гражданское общество все более обоснованно и резонно ставит простой вопрос: почему объекты национального имущества, а также доходы от их производительного использования принадлежат не конституционному собственнику, а ставленникам государственной бюрократии и хозяйственной технократии?

В-четвертых, производство официальных (формальных) правовых воспроизводственных институтов собственности, без чего невозможно создание высокоэффективных собственников, осуществляется государством, которое само в этом случае должно быть правовым, то есть социально ориентированным, отражающим интересы, одновременно, человека как личности и человека как члена общества. Следовательно, задача формирования высокоэффективного собственника объективно выступает функцией «производства» правового государства с социально направленным развитием государственной собственности.

Однако создать правовое государство, заключающее в себе реализованные императивы социально ориентированной государственной собственности, является не простым делом. Более того, как отмечает Д. Норт, «... на нынешнем уровне знаний нам неизвестно, как создать такое государство. В самом деле, исходя из строгой поведенческой посылки о максимизации личной выгоды трудно создать даже абстрактную модель осуществления контроля третьей стороной. ...Предположив, что государство располагает принудительной силой, мы должны признать, что лица, управляющие государством, будут использовать эту силу в своих интересах за счет остального общества».⁷

Учитывая то обстоятельство, что «производителем» правового государства является гражданское общество, то данное государство, в свою очередь, объективно является функцией формирования и развития гражданского общества. В свете сказанного, едва ли можно согласиться с тем, что в «... простейшем определении гражданское общество является совокупностью формальных и неформальных организаций и правил (институтов), которая соединяет отдельного индивида или семью (домохозяйство) с государством (властью) и бизнесом (частным сектором экономики)».⁸

Не правомерно отводить гражданскому обществу пассивную роль «связующего звена» между индивидом и государством, а также между индивидом и бизнесом. В условиях существующего прогрессивного конституционного договора, хотя бы декларирующего политические и экономические свободы, а также закрепляющего легитимность и равенство всех форм собственности, механизм политического рынка и в целом система общественного выбора не может не принимать социально направленные очертания. Трудно не согласиться с положением о том, что «государство – это арена конкуренции людей за влияние на принятие решений, за доступ к распределению ресурсов, за места в иерархической лестнице. Однако государство – это рынок особого рода. Его участники имеют необычные права собственности: избиратели могут выбирать представителей в высшие органы государства, депутаты – принимать законы, чиновники – следить за их исполнением. Избиратели и политики трактуются как индивиды, обменивающиеся голосами и предвыборными обещаниями».⁹

Рынок политических услуг начинает характеризоваться, с одной стороны, спросом на честных политиков, способных производить и внедрять в хозяйственную практику правовые законы. С другой стороны, конкуренция политиков и политических партий за голоса избирателей все более нацеливает будущих представителей государственной власти на адекватность предлагаемых ими политико-экономических программ требованиям граждан-избирателей. В итоге спрос на правовые законы и предложение правовых программ формирует ожидаемое «равновесие» на политическом рынке.

Можно констатировать, что спрос со стороны индивидов-граждан и гражданских организаций на официальные правовые институты означает, по сути, спрос на правовую государственную власть, действующую в интересах граждан. Но основная проблема заключается в том, чтобы выявить онтологию формирования такого спроса; как и каким образом «обманчивость» в своих надеждах и «доверчивость» только-только получивших свободу граждан сменится политико-экономическим знанием и соответствующей волей, интегрально выраженной в обоснованных и справедливых требованиях к тем, кому они действительно могут и хотят доверить свою судьбу. Представляется, что единственно фундаментальным и стра-

тегически верным направлением деятельности по решению этой задачи является обеспечение собственников человеческого капитала, или свободных граждан актуальной информацией.

Ведущей формой повышения уровня информатизации граждан является, прежде всего, расширение сети образовательных учреждений. Повышение образовательно-квалификационного уровня человека как личности и человека как члена общества, рост интеллектуализации всех форм его деятельности и связанных с этим социально-экономических взаимодействий приводит, во-первых, к росту когнитивных способностей хозяйственных агентов и, во-вторых, к относительному уменьшению параметров информационной асимметрии, что заменяет политико-экономическую неопределенность конкретным знанием ситуации и сознательным действием в условиях оправданного риска. Только в этих условиях можно рассчитывать на научно обоснованный общественный выбор в пользу создания правового государства с соответствующей институционализацией, то есть с социально направленным развитием и функционированием политической и экономической власти.

В решении задачи повышения образовательно-квалификационного уровня собственников интеллектуального и в целом человеческого капитала, каковым конституционно является каждый россиянин, невозможно переоценить роль и значение университетского образования, которое, по определению, не просто может, а должно быть по уровню выше и по содержанию актуальнее образования академического и, тем более, институтского. Это обстоятельство обязывает осуществить поиск инновационных институтов, регулирующих и координирующих систему внутриуниверситетских трансакций так, чтобы не университет «следовал» за требованиями государственных образовательных стандартов, а сами стандарты следовали за динамикой дисциплин, преподаваемых в университетах и адекватно отражающих «диалектику вещей», заключающих в себе субстанциальную логику динамических реалий третьего тысячелетия.

¹ Р. Нуреев. Джеймс Бьюкенен и теория общественного выбора / В книге: Джеймс М. Бьюкенен. Сочинения. Пер. с англ. Серия: «Нобелевские лауреаты по экономике». Т. 1. / Фонд экономической инициативы. – М.: «Тaurus Альфа», 1997. – С. 476.

² Государственная собственность в экономике России и других стран. Вопросы теории и истории / Под ред. В. Н. Черковца. – М.: Экономический факультет МГУ, ТЕИС, 2002. – С. 113.

³ Гегель Г. В. Ф. Философия права. – М.: Мысль, 1990. – С. 101.

⁴ Современная экономическая теория: проблемы разработки и преподавания / Под ред. К. А. Хубиева. – М.: Экономический факультет МГУ, ТЕИС, 2002. – С. 538-539.

⁵ В частности, в Московском государственном университете созданы кафедры институциональной экономики, прикладной институциональной экономики; в РЭА имени Г. В. Плеханова также создана кафедра институциональной экономики. В МГУ и других ведущих вузах страны давно действуют лаборатории институционального анализа; во многих, даже небюджетных вузах РФ проходят успешную апробацию учебные курсы по неинституциональной экономической теории, новой институциональной экономике, эволюционной экономической теории и т.д.

⁶ Н. Д. Колесов, В. И., Лоскутов, Б. В. Салихов. Собственность как экономическая категория, или о недостаточности дидактической единицы «собственность и хозяйствование» // Вестник МГТУ. – 2003. – Том 6, № 2. – С. 187.

⁷ Норт Дуглас. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Пер. с англ. А. Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б. З. Мильнера. – М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. – С. 82.

⁸ А. Аузан, В. Тамбовцев. Экономическое значение гражданского общества // Вопросы экономики. – 2005. – № 5. – С. 29.

⁹ Р. Нуреев. Джеймс Бьюкенен и теория общественного выбора / В книге: Джеймс М. Бьюкенен. Сочинения. Пер. с англ. Серия: «Нобелевские лауреаты по экономике». Т. 1. / Фонд экономической инициативы. – М.: «Тaurus Альфа», 1997. – С. 455.